В. Ю. Столяр

ДОВЕРИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКОМ

Работа представлена кафедрой философии
МГТУ «СТАНКИН».
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Н. И. Яблокова

В статье показано значение доверия как механизма управления глобальным риском. Доверие рассматривается как синергетический фактор в ситуациях риска.

Ключевые слова: субъект риска, неопределенность, ответственность, самозащита, междисциплинарный дискурс.

The importance of trust as a mechanism of global risk management is shown in the work. Trust is considered as a synergetic factor in risk situations.

Key words: risk subject, uncertainty, responsibility, self-defense, interdisciplinary discourse.

Складывающаяся мировая социальная система обнаруживает признаки высокой дифференциации, сложную многомерную природу. Однако центростремительные механизмы интеграции остаются слабо развитыми, нет единого социокультурного механизма. Тенденции глобализации требуют нового механизма кооперации и коммуникации, основанного на взаимном доверии. В условиях появления глобального риска требования к фактору доверия, минимизирующего риск и снижающего неопределенность, обеспечивающего управляемость мировой социально-экономической системы, существенно повышаются.

Акт доверия – особый способ приспособления к риску, реакция на риск. Доверие – продуктивная социальная конструкция, купирующая риск и неопределенность в социальном взаимодействии. Глобализация, как показывают многие исследования, основывается на коммуникации, взаимозависимости и синхронизации. Глобальная коммуникация превращает мир в единое информационное и смысловое пространство. Взаимозависимость означает появление единого эконо-

мического пространства, в котором складывается международное разделение труда и специализация. Синхронизация предполагает одинаковую временную перспективу различных событий на планете. Складывающаяся социальная система обнаруживает признаки высокой дифференциации, сложную многомерную природу. Однако центростремительные механизмы интеграции остаются слабо развитыми, нет единого социокультурного механизма. Все это требует нового механизма кооперации и коммуникации, основанного на взаимном доверии.

Роль доверия в связи с растущими тенденциями глобализации повышается. Доверие становится структурным механизмом в обеспечении социальной коммуникации и экономической взаимозависимости. Появление глобального риска требует нового доверия как способа управления риском и снижения неопределенности.

Доверие, понятое в широком смысле, как инструмент управления глобальным риском, как императив сосуществования в условиях «восхождения к риску» призвано собой репрезентировать устойчивость, надежность, «прозрачность» безопасного социального поведения и социальных структур.

К безграничности, глобализму рисков одним из первых привлек внимание У. Бек: «Глобальные риски ставят под вопрос выживание человечества, следовательно, открывают глобальные возможности действия. Прогноз очевиден: столетие, в котором сама планета подвергает себя риску, будет как никогда прежде столетием “единого мира”. Знание того, что все трагедии нашего времени по происхождению и масштабу являются глобальными, способствует возникновению космополитического горизонта опыта и ожидания. Мы понимаем, что живем в глобальной взаимосвязи ответственности, из которой никто не может выскочить. В этом смысле трагедия 11 сентября зримо демонстрировала (впервые за последние 50 лет), что мир и безопасность Запада уже не совместимы с существованием очагов конфликтов в других регионах мира и их причин. Этот транснациональный аспект делает необходимой кооперацию поверх границ для расширения собственных проблем. Конечно, крах глобальных финансовых рынков или изменение климата приводят к разным последствиям в разных мировых регионах. Но это ничего не меняет в том, что под угрозой находятся все и что в будущем каждый потенциально может оказаться под еще большей угрозой. Вот почему глобальное восприятие глобальных рисков порождает в каждой стране общий национально-глобальный интерес. Нетрудно предсказать, что сражения из-за дефиниций вокруг этих титанических проблем породят конфликты нового рода. Но важно понять и то, что именно эти конфликты раскрывают интеграционные функции, поскольку и пока они внушают всем, что глобальные решения должны и могут быть найдены не посредством войны, но только путем переговоров и договоров» [1, с. 384]. А всякий договор покоится на акте доверия.

Как полагает немецкий экономист У. Бек, сегодняшнее общество – это «общество риска». Он исходит из того, что идеал абсолютной безопасности человека оказывается принципиально недостижимым. Однако сегодня опасность проистекает главным образом не из тех природных и социальных сил, которые неподвластны человеку, но из новых и неожиданных источников. Неизбежный «остаточный риск» оказывается оборотной стороной беспрецедентных благоприятных возможностей (процветания, относительно высокого уровня социального обеспечения и общего комфорта), предлагаемых современным обществом

значительному количеству его членов. Они пользуются, помимо всего, и вторым преимуществом – кредитом социального доверия. Благодаря этому юридические баталии по поводу определения виновников становятся необязательными, а также смягчается моральный ущерб. Вместе этого в деловых кругах формируется соразмерный величине страховых издержек побудительный мотив к предупреждению (или непредупреждению) происшествий.

Современное общество очень чувствительно к рискам, прежде всего к непредвиденности последствий. Бек заявляет: «Основы принятия решений при современных технологических революциях лишаются легитимности во время публично инсценированных кризисов риска, протестных движений и покупательских бойкотов, которые приводят мировую экономику к кризисам доверия» [1, с. 151]. С глобальным риском растет глобальная уязвимость рынков, в большей опасности оказывается инвестируемый капитал, ненадежными становятся акционеры. Все это ставит вопрос о власти и ее легитимности в глобальную эпоху. Бек пишет: «Определение мирового общества риска гласит: именно та власть и те ее признаки, которые создают новое качество безопасности, обусловливают в то же время меру *абсолютной бесконтрольности.* Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними. Все попытки технически минимизировать или устранить риски умножают неуверенность, в которую мы ввергаем мир….

Во Втором модерне мы находимся в совершенно ином игровом поле, поскольку, что бы мы ни делали, мы всегда *ждем неожиданных последствий.* Но ожидание неожиданного изменяет качество технических объектов. Когда наука и технология добавляют свою неуверенность к всеобщей неуверенности, вместо того чтобы минимизировать ее, кажущиеся простыми маленькие изменения, о которых ежедневно пишут газеты, обнаруживают для многих свои трудно устранимые последствия; наука и технология не упрощают спор о возникающих технических мирах. Вместо того чтобы гасить политический огонь, они подливают масла в пламя этических, экологических и политических контроверз. Мировое общество риска… является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания» [1, с. 152–153].

Согласно У. Беку, «нельзя утверждать, что мир стал опаснее, чем был. Скорее, систематическая утрата доверия заставляет потребителей всюду видеть риски. Чем меньше доверия, тем больше рисков. Чем сильнее ощущение риска, тем неустойчивее мировые рынки. Чем неустойчивее мировые рынки, тем больше возвращающиеся бумерангом риски для всех – в том числе для концернов и правительств.

При непредсказуемых технических рисках речь, следовательно, идет о заразной болезни, о социальных вирусах, которые превращаются в экономические и технические риски и – в отместку за скрываемые последствия общественных решений – изнутри тиранят общество. Концерны, перекладывающие ответственность за непредвиденные последствия на других, попадают в порочный круг непредсказуемых мировых рынков и потерянных за одну ночь миллиардных инвестиций. Утрату доверия концернами и правительствами в результате их трактовки рисков, которые они же производят, как остаточных рисков, в целом вряд ли можно возместить усилиями отдельных концернов» [1, с. 155].

Бек иллюстрирует борьбу мощных концернов с активистами общественных движений, используя в политике процесс утраты доверия. В 2000 г. крупные концерны обязались в договоре с Генеральным секретарем ООН придерживаться стандартов охраны окружающей среды, а взамен получили право использовать синий логотип ООН. Общественные движения сразу же подвергли этот договор критике, объявив его неподобающим, так как в нем нет пункта о самоконтроле.

Большинство социальных исследователей подтверждают наличие проблемы и кризиса доверия. Сегодня встречается утверждение, что население все в большей степени утрачивает способность пользоваться доверием как способом социальной интеракции. Проецируется ситуация, когда изменения приведут к угасанию этого феномена.

Так, А. Селигмен в своем исследовании «Проблема доверия», подчеркивает хрупкость феномена доверия. Доверие слишком непостоянно для того, чтобы служить основанием, на котором возможно построить устойчивые структуры интеракции. Доверие, будучи неразрывно связанным с индивидуальной деятельностью и согласованием типов ролевого поведения, присущих деятельности, является слишком трудноосуществимой безусловностбю, не способной просуществовать в течение длительного времени (это особенно верно, если принять во внимание характерное для современной жизни на Западе постоянное усложнение ролей).

Как считает А. Селигмен, сегодня доверие вытесняется формами солидарности типа тех, что существовали в период, предшествующий модерну, этому периоду соответствует личность, ориентированная не на деятельность и интенциональность, а на лояльность группам (гендер, раса, этнос).

Пристальное внимание к доверию в дискурсе ученых и простых граждан вызвано изменением характера социальных ролей и их согласования, считает американский социолог. Происходящие в последние десятилетия изменения экономических и социальных условий существования многих западноевропейских и североатлантических стран заставило все в большей степени полагаться на доверие как особый способ приспособления к риску.

Проблема «риска доверия» состоит в том, что даже в лучшем случае доверие представляет собой ненадежный и недолговременный предмет. Доверие лабильное и редко встречающееся явление. «В отличие от того “скачка в доверие”, который способен осуществить агент, находясь в зазоре между различными ролевыми ожиданиями, в условиях присущей современным обществам углубляющейся дифференциации ролей доверие – как свойство все возрастающего числа типов интеракции – по-видимому, не может устойчиво сохраняться в подобном диффузном состоянии. Отсюда возврат к различным типам духовной близости, основанным на способности индивидов прививать друг другу те или иные сильные оценки – оценки, все в большей степени исходящие от аскриптивно заданных типов сообщества» [2, с. 179–180].

Селигмен фиксирует внимание на дилемме социальной ситуации постсовременности, где возрастает потребность в доверии, поскольку сохранять духовную близость (моральные установки) крайне трудно. Сегодняшние попытки воскресить идею гражданского общества в качестве средства анализа социальных наук являются попытками воскресить изначальный язык доверия и социабельности и делают проблему риска еще более актуальной. «Диффузия риска порождает потребность в доверии во всех частях сети наших социальных отношени-

ях, важность коих постоянно возрастает» [2, с. 181].

Зародившийся в XVIII в. как некая потенциальная тенденция, реализующаяся лишь в весьма узкой сфере, каковой является дружба, феномен доверия в настоящее время «превратился в истинный императив, действующий в отношении широкого спектра интеракций и требующий от наших ожиданий постоянных согласований и постоянной лабильности; справиться с этим бременем становится все труднее. В основе данного хода вещей лежит безостановочный прогресс системной дифференциации, структурирующей нашу жизнь в направлении постоянного усиления разнородности ролей, из-за чего нам все труднее становится сохранять уверенность в системе – ведь эта разнородность означает возникновение все большего числа зазоров между ролевыми ожиданиями и вовлекает нас во все более сложные типы ролевых отношений, в системы, члены которых находятся между собой в потенциально конфликтных отношениях. Таким образом, один и тот же структурный процесс ролевой дифференциации ведет к двоякому обострению проблемы доверия: а) он увеличивает возможность ролевого конфликта, а значит, усугубляет неспособность сохранять уверенность в наличной системе ролевых ожиданий и б) он же превращает задачу обогащения уверенности духовной близостью действительным или напускным) во все более сложное дело, так как само развитие ролевой дифференциации и ролевой сегментации постоянно осложняет создание моральных установок или сильных оценок, способных объединить тебя с другими социальными акторами» [2, с. 181–182].

А. Селигмен считает, что сегодня исчезают предпосылки для возникновения доверия. «Поскольку та форма солидарности, что порождается общностью сильных оценок, оказывается более не способной поддерживать среди индивидов чувство духовной близости, индивидуальное может перестать играть роль основы персональной идентичности. Люди все более возвращаются к групповым идентичностям. Происходит что-то вроде возврата к прошлому, в ходе которого риск сменяется опасностью. <…> Без обладающего волей индивида не может быть и доверия, поскольку в этом случае приходится говорить об отсутствии того особого типа риска, реакцией на который является доверие» [2, с. 200].

В своем исследовании доверия Селигмен раскрывает связь доверия с социальными условиями, порождающие риск. «Риск как один из аспектов социальных отношений играл роль неотъемлемой части жизни современного общества, а доверие как снятие этой разновидности риска» [2, с. 197].

«Риск превратился в неотъемлемую часть ролевых ожиданий после того, как трансформация социальных ролей и возникновение ролевой сегментации положила безусловный предел системно определенным ожиданиям (называемым нами уверенностью) ролевого поведения. По мере возрастания ролевой сегментации и усложнения ролей возросла и вероятность появления обусловленных системной дифференциацией “мертоновских диссонансов” между различными аспектами ролевого поведения личности. Эта чисто структурная динамика являлась… основным фактором, ответственным за появление как данных новых форм риска, так и новых видов доверия; будучи реакцией на риск, эти последние стали отличительной чертой специфичных для современности социальных отношений» [2, с. 197–198].

В основе кризиса доверия лежит несколько взаимосвязанных моментов. «Первый – это проблема сохранения условий

возможности духовной близости как механизма установления доверия (в качестве безусловного принципа интеракции) … суть проблемы заключается в чрезвычайно ускорившихся темпах изменений и преобразований, характеризующих современное глобальное разделение труда. Второй момент – это институционализация доверия как составной части современных принципов генерализованного обмена, самим своим существованием обусловливающая углубляющееся расхождение между институционализированными и “первородными” формами безусловности. В отличие от других институционализированных безусловностей (например, средневекового католицизма) современным безусловностям (основанным на представлении об индивидуальности и о доверии как о неизбежном следствии существования индивидуальности) присущ некий парадокс – парадокс репрезентации» [2, с. 190].

Среди причин кризиса доверия Селигмен указывает следующие: «Способность к доверию мы утрачиваем вместе с представлением об индивиде как принципиальном носителе присущих обществу безусловностей. Наша усугубляющаяся неспособность согласовывать границы своих интеракций, не прибегая при этом к суровым и неизменным правилам и распорядкам есть еще одно свидетельство того, что нерегламентированные переговоры в обстановке доверия вытесняются расписанным по правилам поведением – поведением, основанным на системной уверенности» [2, с. 202]. Кроме того, обесценивание доверия происходит по причине и «воскрешения коллективных, зачастую примордиальных групповых идентичностей в качестве первоисточника личности – а возможно, также и в качестве новой концепции участия личности в коллективе… Если же указанная переориентация присущих обществу принципов генерализованного обмена полностью осуществится, то трудно сказать, какое воздействие возымеют данные идентичности на политику XXI в. и удастся ли доверию сохраниться в частной либо публичной сферах (т. е. в своей изначальной либо институционализированной форме)» [2, с. 202–203].

Американский социолог видит корреляцию между трансформацией доверия и более масштабной трансформацией самой рациональности. Он связывает появление либеральных принципов (свободы индивида, конституционной демократии, рыночной экономики) с формированием в рамках западной цивилизации новой концепции рациональности и задает вопрос: не приведет ли утрата или трансформация доверия как механизма социальной интеракции к трансформации понятия рациональности, благодаря чему действительность, возможно, превратиться в нечто вроде «зачарованного мира».

Селигмен размышляет над тем, что доверие как определяющая концептуальная проблема общества открыло современную эпоху с кризиса доверия и завершает кризисом доверия. Доверие как матрица социальной интеракции истощается, и проблема ждет индивидуальности, которые только и делают возможным доверие.

Мы сделали попытку эксплицировать диффузию доверия и риска, показать, что доверие – это важнейший управленческий инструмент. доверие всегда связано с риском. Когда нет риска, нет и основы для доверия. «Риск создает плодотворную основу не только для доверия, но и для обмана или эксплуатации доверия» [3].

В социальных реалиях глобализма, в ситуации «восхождения к риску» обнаруживается синергийная значимость фактора доверия. Оно сущностно отображает интенцию к объединению, ассоциирова-

нию, сотрудничеству, партнерству, диалогу в условиях мировых кризисных трансформаций, напряженности, появления глобального риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

2. *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.

3. *Kollok R. M.* The Emergence of Exchange Structures: An Experimental Study of Uncertainly, Commitment and Trust // American Journal of Sociology. 1994. V. 100 (2).